

«МОСКВА» Ф. ГЛИНКИ КАК ПРЕТЕКСТ СТИХОТВОРЕНИЯ М. КОРОСТОВЕЦ «ПЕКИН»

Ли Ли

*Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва,
Россия; lili.msu@mail.ru*

Аннотация: Статья посвящена исследованию образа Пекина в творчестве русских поэтов-эмигрантов первой волны в Китае. Анализируется уникальный пласт русской эмигрантской литературы «восточной ветви», сложившийся в результате встречи двух цивилизаций — русской и китайской. Мы рассматриваем Пекин как особый символический локус в эмигрантском художественном сознании, представляющий собой не просто географический объект, но метафизическое понятие, воплощающее встречу Востока и Запада. У русских эмигрантов древняя китайская столица вызывала попытки символического освоения чужого пространства через художественное слово. Такое отношение к Пекину можно наблюдать, например, в стихах В. Перелешина, М. Визи, О. Скопиченко; Вс. Ник. Иванов в очерке 1931 года прямо сравнивает Пекин и Москву. Особенно выразительный пример представляет стихотворение «Пекин» М. Коростовец, построенное по модели хрестоматийного стихотворения пушкинского современника Ф. Глинки «Москва»: в статье выявляются многочисленные формальные и содержательные параллели между текстами.

Ключевые слова: стихотворение «Москва»; стихотворение «Пекин»; М.П. Коростовец; Ф.Н. Глинка; поэзия русского Шанхая

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2026-49-03-15

Для цитирования: Ли Ли. «Москва» Ф. Глинки как претекст стихотворения М. Коростовец «Пекин» // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2026. № 3. С. 189–198.

F. GLINKA'S "MOSCOW" AS THE PRETEXT OF M. KOROSTOVETS' POEM "BEIJING"

Li Li

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; lili.msu@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of the image of Beijing in the works of Russian emigrant poets of the first wave in China. "The eastern branch" of Russian emigrant literature is analyzed as a unique result of the meeting of two civilizations — Russian and Chinese. We consider Beijing as a special symbolic locus in the emigrant artistic consciousness, which is not just a geographical object, but a meta-

physical concept embodying the meeting of East and West. For Russian emigrants, the ancient Chinese capital has provoked the attempts to explore a foreign space through an artistic word. Such an attitude towards Beijing can be observed, for example, in the poems of V. Pereleshin, M. Vizi, O. Skopichenko; Vs. Ivanov in his 1931 essay directly compares Beijing and Moscow. A particularly expressive example is the poem “Beijing” by M. Korostovets, modelled on a textbook poem by Pushkin’s contemporary F. Glinka “Moscow”: the article reveals numerous formal and substantive parallels between the texts.

Keywords: poem “Moscow”; poem “Beijing”; M.P. Korostovets; F.N. Glinka; poetry of Russian Shanghai

For citation: Li Li. (2026) F. Glinka’s “Moscow” as the Pretext of M. Korostovets’ Poem “Beijing”. *Lomonosov Philology Journal*, no. 3, pp. 189–198.

Для литераторов «восточной ветви» русской эмиграции Китай, как известно, стал одной из важнейших тем творчества, — это, видимо, было неизбежно (из недавних работ, посвященных исследованию того, как изображались Китай и его культура, см., напр.: [Мяо Хуэй 2015; Капинос, Кулакова, Силантьев 2017; Богданова, Юньмэй Цзан 2023]). Писали о Китае, разумеется, неодинаково, и характер связей с Китаем и отношение к нему были разными: немногие (среди них, например, В. Перелешин) знали китайский так, что могли понимать, ценить и переводить сложные тексты; кто-то попал в Китай, вынужденный оставить родину, уже во взрослом возрасте, кто-то, как тот же Перелешин, был вывезен сюда ребенком и смог воспитать в себе отношение к Китаю как к новой родине (о Китае в поэзии Перелешина см., напр.: [Цзя Юннин 2019]).

Несмотря, однако, на то, что масштабы культурной дистанции были разными и переживалась она с разной степенью интенсивности, можно все же констатировать, что Китай изображается русскими авторами чаще всего как иной, экзотический мир, в этой своей экзотичности и привлекательный, и пугающий. Тем важнее попытки увидеть в заведомо чужом — свое.

Насколько нам удалось заметить, наиболее последовательные попытки такого типа осуществляются в текстах, посвященных Пекину.

Биографически эмигранты «восточной ветви» были связаны в большей степени с другими китайскими городами: самая крупная русская диаспора, сумевшая развить на чужой земле свои культурные институты, сложилась в Харбине, и даже, кажется, в Шанхае, где русским эмигрантам жить было гораздо труднее, все же присутствие диаспоры было заметнее, чем в Пекине (и, например, литературная деятельность русских в Шанхае обсуждается поздней-

шими историками гораздо активнее, чем пребывание русских в Пекине).

Несмотря на это, посвященных Пекину литературных текстов на русском языке много, в разных жанрах (очерки, воспоминания, стихи), и как *литературная тема* он не только успешно конкурирует с Харбином и Шанхаем, но в чем-то и превосходит их. Назовем здесь хотя бы многочисленные стихотворения Перелешина о Пекине, начиная с цикла, вошедшего в его четвертую книгу, «Жертва» (1944)¹ и воспевающего сады и городские стены старого города, и заканчивая стихами, написанными спустя десятилетия после расставания с Китаем, в 1972 году (оно заканчивается строками, свидетельствующими, что Пекин стал для поэта родным городом: «это свет из того окна, / что когда-то было твоим» ([Русская поэзия Китая 2001: 410])). О Пекине писали и поэты менее известные, например, Евгений Яшнов («Зажги, Пекин, вечерние огни...») [Яшнов 1947: 99]), Мария Визи, которая, как и Перелешин, вспоминала о Пекине уже в Новом Свете в 1970-е годы, изображая мир частной, скромной и милой жизни, разрушенной, как и мир старой России, катастрофическим движением истории («Открывали маленькие лавочки / под старинной городской стеной. / Продавали нитки и булабочки, / торговали чаем и ханой... // Вот и все. Позакрывались лавочки / под разбитой городской стеной, / где цветы цвели — повяли травочки / и гитар не слышно... ни одной») ([Русская поэзия Китая 2001: 115]; для Ольги Скопиченко («Высокая белая лестница к башне...», перв. пол. 1980-х? [Русская поэзия Китая 2001: 510] «забытая сказка большого Китая», как и старая Россия, — потерянный мир, но с ним связываются представления не о разрушенной мирной жизни, а о разрушенной империи; объединяя себя с иноплеменными современниками, Скопиченко говорит — «мы»: «В кровавом столетьи мы сказок не знаем, / И нет у нас сказочных снов».

Переходя от лирической поэзии к претендующему на большую фактическую точность изображению внешнего мира жанру очерка, заметим, что начинают эмигранты-очеркисты, конечно, с констатации очевидных различий между Пекином и Европой: так, «одновременно и чуждым, и очаровательным» называет этот город Николай Васильевич Устрялов в «Образах Пекина» (1925)². Но уже несколько лет спустя, в 1931 г., Всеволод Никаноровича Иванов пишет о Запретном Городе: «Красные стены окружают резиденции императора. И когда вы смотрите на эти цветистые, красные стены,

¹ Перелешин В.Ф. Жертва: Четвертая кн. Стихотворений. Харбин, 1944.

² Устрялов Н.В. Образы Пекина // Вестник Маньчжурии. 1925, № 1. Цит. по: https://cnbdvo.elpub.ru/file_viewer/925

цветные изразцы, что покрыли их, на золотые знаки на синем поле над кованными воротами, на позолоту шпилей — так и видите — Москва. В центре Пекина — Кремль. Не хватает лишь колокольни Ивана, чтобы иллюзия эта стала совершенной. Какими же узами связаны мы, русские, с Китаем? Кто был он, кто, побывав в Китае, вывез нам каменную сказку китайского Кремля, или, вернее, саму фантастику сказки, просветленную у нас и христианством наших церквей, и цветущими душистыми коврами лугов по холмам берегов Москва-реки? В Москве — Китай город»³.

Сближение Пекина и Москвы осуществляется при помощи обращения к русской традиции стихов о Москве в творчестве Марии Павловны Коростовец (1899–1975), одной из участниц русской литературной диаспоры в Пекине и Шанхае, члена шанхайского кружка «Пятница» и одного из авторов известного поэтического сборника «Остров».

С Китаем Коростовец была связана биографически очень тесно и, как можно думать, знала его хорошо, оказавшись здесь не случайно: дочь П. Попова, консула Российской империи в Монголии и специалиста по китайской лексикографии, она была к тому же невесткой И.Я. Коростовца, дипломата и востоковеда, автора многих работ о Китае, в частности, монографии «Китайцы и их цивилизация» (1896). Как указывает О.Ф. Кузнецова, Коростовец «большую часть жизни прожила в Пекине, хорошо знала китайский» (правда, нам пока не удалось найти подтверждающих это документальных данных). В. Перелешин упоминает ее «стихи о Китае» и отмечает, что «в ее творчестве тонкий лиризм соединялся с темами из китайской истории и мистики» [Кузнецова 2020: 444, 443]. Именно к таким произведениям относится стихотворение «Пекин»⁴. Хотя оно и опубликовалось, приведем его здесь полностью:

Самый странный город в свете,
Город ярких крыш,
Над тобою цепь столетий
Пронеслась — ты спишь!

Величавые громады
Храмов и дворцов
Под немолчный звон цикады
Видят стаи снов.

³ Иванов Вс. Пекин // Багульник: литературно-художественный сборник. Харбин, 1931.

⁴ Подписанное «Мария К.», стихотворение было впервые опубликовано в харбинском журнале «Рубеж» в 1942 г. (№ 46, с. 10).

И задумчивые ивы
В зеркале озер
Наблюдают сиротливо
Лотосов ковер.

В парке — видела воочью —
Бродит Кубилай...
Или это сторож ночью
Обошел Бэйхай?

Город завтрашний — вчерашний
В зелени садов.
Под стеной у старой башни
Много верблюдов...

Желтый ветер крутит тонкий
Лёссовый туман —
Скачет в лесе копий звонко
Старый Тамерлан.

Нас влекут по глади четкой —
Тсс... не надо слов...
Ярко убранные лодки
Вглубь восьми веков.

[Русская поэзия Китая 2001: 253]

Представляется, что перед нами рассчитанный на узнавание «перепев» знаменитого стихотворения Ф. Глинки «Москва», которое стало популярным еще до публикации, расходясь в списках (см., напр.: [Чепелевская 1999: 237]). Впоследствии это риторически эффектное, звучное, патриотическое произведение стало хрестоматийным, включалось в антологии для гимназистов и школьников. Сомневаться в том, что оно было известно Коростовец и ее читателям, не приходится. Напомним его здесь:

Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посадки и деревни,
И палаты и дворцы!

Опоясан лентой пашен,
Весь пестреешь ты в садах:
Сколько храмов, сколько башен
На семи твоих холмах!..

Исполинскою рукою
Ты, как хартия, развит,
И над малою рекою
Стал велик и знаменит!

На твоих церквах старинных
Вырастают деревья;
Глаз не схватит улиц длинных...
Эта матушка Москва!

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?..

Кто Царь-колокол подымет?
Кто Царь-пушку повернет?
Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот?!

Ты не гнула крепкой выи
В бедовой своей судьбе:
Разве пасынки России
Не поклонятся тебе!..

Ты, как мученик, горела
Белокаменная!
И река в тебе кипела
Бурнопламенная!

И под пеплом ты лежала
Полоненною,
И из пепла ты восстала
Неизменною!..

Процветай же славой вечной,
Город храмов и палат!
Град срединный, град сердечный,
Коренной России град!

Формальное сходство стихотворений очевидно. Оба они начинаются с обращения к городу («ты»), оформленного как восклицание, эти обращения содержат характеристику города, которая выстраивается эпитетами (чудный, древний, странный), а также содержит утверждение о том, что сделал город или делает сейчас (ты вместил, ты спишь); в первой строфе каждого стихотворения слово «город» повторяется дважды.

Отметим также ритмическую сопоставимость (не тождество: у Глинки в основном, за исключением двух строф, четырехстопный хорей, у Коростовец чередуются строки четырехстопного и трехстопного хоря, возможно, не без влияния лермонтовского «Спора», — зато дополнительно сближает одинаковая перекрестная рифмовка с чередованием женских и мужских клаузул, как и то, что оба стихотворения состоят из катренов).

Есть и другие черты сходства. Так, например, перед финалом стихотворений говорится о неудачных попытках завоевания городов: Глинка вспоминает о пожаре 1812 года и о том, как Москва «из пепла... восстала», освободившись от плена; в предпоследней строфе «Пекина» Коростовец называет Тамерлана, планировавшего поход на Китай, но не осуществившего своих планов.

Есть совпадения (заимствования?) на уровне образности, лексики: оба поэта говорят о величественных размерах («Глаз не схватит улиц длинных», «Величавые громады»), оба города полны садов и парков («Весь пестреешь ты в садах», «Город... В зелени садов»); непременно упоминается вода («Над малою рекою», «В зеркале озер»). Современный исследователь пишет о Москве Глинки: «акцентируемая неотделимость исторического центра от живой природы, окружающей и пронизывающей весь город, лишь подчеркивает то, что он естественно, органично вырастает над малою рекой» [Чепелевская 1999: 238], и эти слова совершенно применимы к «Пекину». Заметим, что в стихах русского поэта о русском городе больше прямых указаний на конкретные локусы (Кремль-Богатырь, Иван-звонарь, Царь-колокол, Царь-пушка, святые Кремлевские ворота; у Коростовец только Бэйхай и «старая башня», видимо, вполне определенная).

Различия, разумеется, тоже есть. Москва у Глинки, конечно же, древняя, но о событиях прошлого говорится немного (только о пожаре 1812 года), финал стихотворения обращен в будущее, это призыв: «Процветай же славой вечной!..».

У Коростовец о прошлом Пекина сказано не просто больше: сказано иначе. В том мире, где живет лирическая героиня, присутствуют тени прошлого: «В парке — *видела воочью* — / Бродит Кубилай...» (курсив наш). (Напомним, что Кубилай (Хубилай, он же «Кубла-хан» у Кольриджа) — монгольский правитель Китая (XIII в.); современники, например Марко Поло, писали о садах и парках в построенных им городах как о чуде.) Говоря о еще одном правителе и завоевателе, поэтесса также употребляет глагол настоящего времени: «Скачет в лесе копий звонко / Старый Тамерлан». Возможно, здесь перед нами не литературная условность, а отражение особенностей мировоззрения Коростовец, склонной к мистицизму (сви-

детельства об этом есть у Перелешина). Финал «Пекина», в отличие от финала «Москвы», обращен в прошлое: «Нас влекут по глади четкой — / Тсс... не надо слов... / Ярко убранные лодки / Вглубь восьми веков».

Эмоциональное содержание стихотворений различно. «Москва» Глинки звучит оптимистично, тон автора исполнен уверенности. У Коростовец дан образ города культурно текучего, объединяющего разные культуры (фигура из прошлого, Кубилай, — не китаец), тон автора сдержанный, может быть, потому, что поэтесса, в отличие от Глинки, говорит о мире, который не был для нее вполне родным. Можно сказать, что у поэтов различные перспективы: Коростовец смотрит извне, поэтому первое, что она говорит о Пекине, — «самый странный город в свете» (для Глинки, пишущей о своей родине, Москва — «матушка»).

Зачем же Коростовец самой структурой своего стихотворения о Пекине напоминает читателю о знаменитом стихотворении Глинки? Единственного ответа на этот вопрос у нас нет. Поэты русского модерна (а черты модерна с некоторым запозданием проявлялись в творчестве поэтов-эмигрантов первой волны в Китае), как известно, вообще нередко «переписывали» классические тексты (в последнее время конкретные примеры такого «переписывания» активно исследует, например, Д.М. Магомедова (см., напр.: [Магомедова 2018])). Возможно предположить, что судьба и стихи Глинки у Коростовец образовали эмоциональный контраст к ее собственной судьбе эмигранта и ее стихов: Глинка писал о вполне своем, а Коростовец оказалась вынуждена увидеть свое в чужом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова О.В., Юньмэй Цзан. «Восточная ветвь» русской поэтической эмиграции (1920–1940-е годы). СПб., 2023.
2. Иванов Вс. Пекин // Багульник: литературно-художественный сборник. Харбин, 1931. С. 154.
3. Капинос Е.В., Куликова Е.Ю., Силантьев И.В. Русский Китай как историческая летопись и как лирический сюжет (“Поэма без предмета” и “Два полустанка” В. Перелешина) // Сибирский филологический журнал. 2017. № 2. С. 87–109.
4. Кузнецова О.Ф. Архив Валерия Перелешина в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. Литераторы русской диаспоры Китая 1930–1940-х годов. М., 2020.
5. Литература русских эмигрантов в Китае. Т. 2: Паровозы гудят у Цицикара / сост. Мяо Хой. Пекин, 2005.
6. Магомедова Д.М. Переписывание сюжета о «новых людях» в русской прозе конца XIX – начала XX века (В.В. Вересаев и З.Н. Гиппиус) // Новый филологический вестник. 2018. № 2. С. 118–127.

7. *Мяо Хуэй*. Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае. Дисс. ... канд. филологич. наук. Владивосток, 2015.
8. *Русская поэзия Китая: Антология* / Сост. В. Крейд и О. Бакич. М., 2001.
9. *Цзя Юннин*. Образ Китая в поэзии Арсения Несмелова и Валерия Перелешина. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2019.
10. *Чепелевская Т.И.* Образ Москвы в журнале «Москвитянин»: поэзия Ф.Н. Глинки // *Славянский альманах* 1998. М., 1999. С. 235–247.
11. *Яшнов Е.Е.* Стихи. Шанхай, 1947.

REFERENCES

1. Bogdanova O.V., Yun`me`j Czzan. «*Vostochnaya vetv`*» *russkoj poe`ticheskoj e` migracii (1920–1940-e gody)* [The “Eastern branch” of Russian Poetic Emigration (1920–1940s)]. St. Petersburg: Aletejya Publ., 2023. 208 p.
2. Ivanov Vs. Pekin [Beijing]. *Bagul`nik: literaturno-hudozhestvennyj sbornik* [Ledum: Literary and Artistic Collection]. Harbin, 1931, p. 154.
3. Kapinos E.V., Kulikova E.Yu., Silant`ev I.V. *Russkij Kitaj kak istoricheskaya letopis` i kak liricheskij syuzhet* (“Poe`ma bez predmeta” i “Dva polustanka” V. Pereleshina) [Russian China as a Historical Chronicle and as a Lyrical Plot (“A Poem without a Subject” and “Two Stops” by V. Pereleshin)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2017. № 2. Pp. 87–109.
4. Kuznetsova O.F. *Arhiv Valeriya Pereleshina v Otdele rukopisej IMLI RAN. Literaturnyj diaspory Kitaya 1930–1940-h godov* [Archive of Valery Pereleshin in the Department of Manuscripts of the IMLI RAS. Russian Diaspora Writers in China of the 1930s and 1940s]. Moscow: IKAR Publ., 2020. 520 p.
5. *Literatura russkih emigrantov v Kitae. Vol. 2: Parovozy gudyat u Cicikara* / sost. Myao Hoj. [Literature of Russian Emigrants in China. Vol. 2: Steam Locomotives Are Humming at the Tsiqihar / Comp. by Miao Hoi]. 2005. Beijing, *Chinese Youth Publ.*, 706 p.
6. Magomedova D.M. *Perepis`vanie syuzheta o «novy`x lyudyax» v russkoj proze konca XIX — nachala XX veka* (V.V. Veresaev i Z.N. Gippius) [Rewriting the Plot of the “New People” in Russian Prose of the Late 19th — Early 20th Century (V.V. Veresaev and Z.N. Gippius)]. *Novy`j filologicheskij vestnik* [The New Philological Bulletin]. 2018. № 2. P. 118–127.
7. Myao Xue`j. *Izobrazhenie tradicionnoj kitajskoj kul`tury` v russkoj e` migrantskoj literature v Kitae* [The Image of Traditional Chinese Culture in Russian Emigrant Literature in China]. Diss. ... kand. filologich. nauk [PhD in Philology Theses]. Vladivostok, 2015. 173 p.
8. *Russkaya poeziya Kitaya: Antologiya* [Russian Poetry of China: Anthology] / Comp. by V. Krejd & O. Bakich. Moscow: *Vremya Publ.*, 2001. 718 p.
9. Czzya Yunnin. *Obraz Kitaya v poe`zii Arseniya Nesmelova i Valeriya Pereleshina* [The Image of China in the Poetry of Arseny Nesmelov and Valery Pereleshin.]. Diss. ... kand. filol. nauk [PhD in Philology Theses]. Moscow, 2019. 165 p.
10. Chepelevskaya T.I. *Obraz Moskvy v zhurnale «Moskvityanin»: poeziya F.N. Glinki* [The Image of Moscow in the *Moskvityanin* Magazine: F.N. Glinka` Poetry]. *Slavyanskij al`manah* 1998. [Slavic Almanac 1998]. Moscow: *Indrik Publ.*, 1999, pp. 235–247.

11. Yashnov E.E. *Stixi* [Verses]. Shanghai: L.G. Bessonova-Yashnova Publ., 1947. 100 p.

Поступила в редакцию 11.01.2026

Отредактирована 15.02.2026

Принята к публикации 21.04.2026

Received 11.01.2026

Revised 15.02.2026

Accepted 21.04.2026

ОБ АВТОРЕ

Ли Ли — соискатель кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова; lili.msu@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Li Li — PhD Student, Department of the History of the Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; lili.msu@mail.ru